

Значения слова *юродивый* в контекстах соположения как содержательный фрагмент концепта «юродство»

Антропоцентричность современной лингвистической парадигмы наделяет значимостью исследования связей языка и культуры [5:16, цит. по 3:90], в связи с чем изучение концептов становится одной из актуальных задач современного языкознания (работы Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, В.И. Карасика, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева, и др.). В качестве национально-специфичного концепта русской культуры может рассматриваться феномен юродства, который не стал еще объектом специального лингвистического осмысления, в чем нам видится актуальность нашего исследования.

В современных представлениях концепт определяется как мыслительный феномен

динамичной природы [2:134]. В свете такого понимания задача нашего исследования состоит в том, чтобы выявить семантику лексемы *юродивый* как фрагмента содержательного поля концепта «юродство», и, в связи с этим, определить закономерности развития и функционирования концепта, что является конечной целью нашей работы.

В современном употреблении узуальные значения слов, входящие в поле концепта «юродство» (юродство, юродивый, юродствовать и др.), утрачивают свою определенность. Это связано с расширением сферы бытования концепта: теперь он воспринимается не только как религиозный феномен. Слова, представляющие этот концепт, также подвержены изменениям, что выявляется в кон-

текстах определенного рода, в частности, в контекстах сопоставления. Контекстами соположения мы называем случаи, когда слово юродивый стоит в перечислительном ряду наименований других социальных типов, образуя с ними единый семантический комплекс. В таком ряду слово входит в контекст сопоставления и согласуется с другими членами ряда на основе разных семантических признаков. В зависимости от лексического окружения, а также внеречевого контекста высвечиваются разные планы лексического значения слова, причем не актуализированные его компоненты продолжают потенциально присутствовать и формируют в каждом конкретном случае своеобразный коннотативный фон [4:382].

Роль контекстов сопоставления в распознавании семантики возрастает в случаях контекстуального синкретизма или неразличения значения рассматриваемого нами слова, когда наблюдается «соединение двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т.е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов)» [1:31]. В контекстах же сопоставления актуализируется та или иная сема/семы, определяющая/щие семантику лексико-семантического варианта в каждом конкретном случае.

Парадоксальность, многозначность и многогранность самого феномена «юродство» проявляется в языке потенциальной возможностью соположения слова «юродивый» со словами, значения которых взаимно исключают друг друга. Ср.: с одной стороны, такие ряды – «*вишнота осталась, самогонная тварь, юродивые, калеки да старики*»; с другой – «*юродивые, блаженные, столпники, преподобные*». Возможность подобного соположения основана на сосуществовании в одном ЛСВ противоположных по значению сем ('мудрость' – 'безумие', 'святость' – 'богохульство', 'аскетизм' – 'невоздержанность' и т. д.), которое порождает объемный и семантически богатый коннотативный план функциональных контекстов слова. Соположение слов, сочетаемых с исследуемым, поддерживается набором определенных сем, продуцирующих вариативное богатство потенциальных смыслов. Подобная семантическая аттракция позволяет слову юродивый входить в принципиально разноплановые контексты, содержание которых, спроецированное на аксиологическую шкалу, размещается, как правило, по ее крайним точкам – положительная / отрицательная оценка. Так, сопостав-

ление с калекми, увечными, инвалидами и т.д. выделяет в юродивом одно из узусальных значений, основанное на живости внутренней формы слова «юрод» – «урод» и связанное с представлением о юродстве в широком смысле как каком-либо физическом недостатке, увечье или глупости / безумии. Такое представление, аксиологически ориентированное на негативную оценку, характерно для обыденного сознания. Ср. художественную модификацию такого плана сознания: «*Снова поползут юродивые, увечные, на костылях! Обнаружат себя, выбегают из квартир слепые, безногие, в детстве уроненные, изувеченные в авариях, избитые до инвалидности*» (А. Образцов «Пятеро»). Обобщающее слово следующего контекста – страдальцы – подчеркивает отверженность положения героев, о которых идет речь, – все они отброшены в силу обстоятельств на обочину жизни; о каждом можно сказать 'убогий', хотя, в основном, речь идет не о физическом убожестве, а об убожестве положения. Ср.: «*Бросается в глаза, что герои Мусоргского – это вообще какая-то бесконечная вереница страдальцев: убогие, нищие, странники, юродивые, пьяницы, расстриги-монахи, обреченные раскольники, раздавленные обстоятельствами стрельцы, царь-грешинок – и так далее, без конца*» («Революционер и ретроград (Мусоргский и Стасов)»). С подобным взглядом связано традиционное отнесение юродивого к низам социальной иерархии, в обнаружении его в самой гуще народа или среди аутсайдеров, отщепенцев: «*этих мясников, мастеров, подмастерьев, аптекарей, ростовщиков, крестьян, гуртоправов, матросов, шарлатанов, нищих, рыночных торговцев, юродивых, калек и илюх*» (Ю. Домбровский «Новеллы о Шекспире»). Этим же объясняется и явная закреплённость за словом соответствующей социально-оценочной коннотации.

Примером взаимоисключающей интерпретации может служить контекст из Интернет-издания: «*Лицемер, юрод, глупец, / урод, святоша-обезьяна, / монах-лентяй, готовый, словно гот / иль острогот, не мыться целый год, / все вы, кто бьет поклоны неустанно, / вы, интриганы, продавцы обмана, / болваны, рьяно злобные ханжи, – / тут не потерпят вас и вашей лжи*» (Dina Ignatova «И[ъ]Д[ъ]И[ъ]Т[ъ]Е[ъ] mímó»). Как видим, слово юрод сопоставляется со словами лицемер, святоша-обезьяна, глупец, урод, обманщик, ханжа. В таком случае помимо традиционных характеристик юродивого (глупец, урод) акценти-

руется способность к обману, неискренности, лицемерию, ханжеству описываемого человека, что позволяет говорить об обмане и подмене как о главном свойстве, конституирующем поведение героя. Он – «лже-» – лжеюродивый, лжемонах и т.д. В то же время обман, подмена, ложь как семантические категории противостоят правде / истине. Не случайно истинные юродивые наделены свойством ее изрекать. Ср.: «Было время, когда правду ибанцам изрекали юродивые, кликуши, эпилептики, шуты. И художники» (А. Зиновьев «Дело говорения»).

Как показывают контексты такого рода, в одном ряду оказываются наименования разных людей, объединенных по признаку исключительности, можно сказать, маргинальности положения. Так, юродивые, эпилептики, кликуши попадают в один ряд в качестве больных или ненормальных людей, демонстрирующих то или иное «отклонение от нормы». Шут и юродивый, в свою очередь, обладают общей для них способностью смело говорить правду, наряду с этим они причастны к смеховому и зрелищному пространству, которое сами же и создают. Феноменальная общность шута, юродивого и художника предопределяется ориентацией на высшую правду / художественную истину. Юродивого и художника, близость природы которых отмечалась неоднократно, объединяет их особый взгляд на вещи, отличный от обывательского, своеобразная «не-от-мирность». В многообразии сем, аттрактивно организующих семантический комплекс «юродивый» в приведенных контекстах, можно выделить такие доминантные семы: 'маргинал', 'ненормальный', 'физически убогий', 'способный сказать смелую правду', 'ориентированный на высшую правду / истину', 'шут', '«не от мира сего»'.

Иная грань маргинальности, связанная с художественным сознанием и отчасти представленная в предыдущем отрывке отсылкой к «художникам», обнаруживается также в примере, связанным с научным дискурсом. Исследователь творчества Джима Моррисона сопоставляет в одном контексте трикстера, жреца, шамана, юродивого, что продуцирует, с одной стороны, значимость экстремальности, пограничности ситуации, в которой находится герой, с другой, – сознательность выбора, сделанного им. Ср.: «Он был подобен трикстеру – сказочно-мифологическому лицу, герою экстремальной ситуации, суть которой сводится к "пан или пропал" – полному успеху или тотально-

необратимому поражению. Эта стратегия поведения подразумевает особый психофизический тип личности – жреца, шамана, юродивого» (О. Еремеева «Мифопоэтика творчества Джима Моррисона»). В такой интерпретации, «юродивый» предстает как 'сознательный маргинал', 'человек, постоянно находящийся в пограничной ситуации и имеющий выход в «иную реальность», 'человек, ставящий на карту все'.

По-видимому, соположение слов разной семантики, актуализирующее аттракцию разных сем, позволяет осуществлять и дискурсивное транспонирование слова *юродивый*, которое приемлют различные дискурсы. Такая объемная транспозиция выявляет основополагающий принцип существования концепта, который мы определяем в качестве когнитивно-дискурсивной аттракции. При всем многообразии дискурсивных проекций слова *юродивый* выявляется дополнительная общность в его отнесенности к условно определяемому «интеллигентскому» дискурсу. Для обоснования этого утверждения используем такой пример: «А сколько всяких окаянных интеллигентов, неприкаянных студентов, разных чудаков, правдоискателей и юродивых, от которых еще Пётр I тицился очистить Русь и которые всегда мешают стройному строгому Режиму?» (А.И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»). Известно, что интеллигентами называют людей, ратующих за других, за общественное благо, за истину, «воплощенную совесть» народа. Чудаки, в свою очередь, осознаются как странные люди (чужаковость которых, как правило, сопряжена с отсутствием в их поведенческой мотивации того, что в обыденном дискурсе определяется в качестве здравого смысла), как и правдоискатели, которые в глазах обывателей являются теми же чужаками, ищущими высшую правду / истину. Вполне закономерно юродивые в этом ряду предстают как 'чужаки', 'проводники высшей правды', '«воплощенная совесть»'. Отметим, что общей чертой, объединяющей эти социальные типы, оказывается их «невписываемость» в систему социальных стереотипов, их своеобразная инородность.

Аттрактивная природа семантического согласования органически проявляется и в тех контекстах, которые прямо не связаны с содержательной интерпретацией. Вместе с тем в перечислительных рядах, включающих слово *юродивый*, хорошо просматривается план оценки. Ср.: «Средь умных людей Анна Иоанновна скучала. Зато всегда ей бы-

ло хорошо среди конюхов, судомоек, калмычек, сказочниц, юродивых, потрясуний, скоморохов, портных и ювелиров» (В. Пикуль «Слово и дело»). В приведенном контексте акцентируется, во-первых, отсутствие у называемых лиц интеллектуальных способностей, во-вторых, их низкое положение в социальной иерархии. Условно эти значения можно обобщить в ряду значимых для юродивого смыслов – ‘дурак’, ‘глупец’, ‘плебей’, объединенных общим для них негативным оценочным планом. Противоположный край шкалы отмечен отнесением юродивых к святым. Ср.: «В России Церковь привлекла народную любовь святостью избранных – подвижников, праведников, юродивых, явивших пресветлый лик Христов» («Культурология XX век. Энциклопедия»); «– А мужики-мученики какие? /– Какие? А погоди... Припоминал Арефий: юродивые, блаженные, столпники, преподобные...» (И. Шмелев «Неупиваемая чаша»).

Часто оценочные планы рядов сопоставления совмещаются, что формирует оксюморонный образный план. Так, во многих контекстах, включающих слово *юродивый*, реализуется архетипический образ «мудрого безумца», имеющий связь с прототипической ситуацией ритуального безумия, укорененный в житиях Святых, фольклорном образе Иванушки-Дурачка: «Если выбирать между артистами-скоморохами и артистами-пророками, первые мне ближе. Придурковатым и юродивым тоже доступны глубины мудрости» (А. Кончаловский «Возвышающий обман»). Как видим, амбивалентность контрастно соположенных значений слова *юродивый* органически реализуется в синкретизме оксюморонного образа ‘мудрого безумца’, религиозно-философского образа ‘прикровенного мудреца’.

Не случайно, в литературно-критическом дискурсе слово юродивый расширяет свой семантический и образный потенциал. Ср.: «Херцоговский герой номер два – юродивый, пророк, божественный безумец. Отверженный, аутсайдер, абориген, пария. Уродец, карлик, даже вампир» (В. Херцог «Экологически чистый эксперимент на краю жизни»). Как видим, кинокритик формируя список героев, сыгранных актером В. Херцогом, включает в

него и юродивого как тип, идентифицированный с собственно юродивым, пророком, божественным безумцем, или же он воплощает все три ипостаси. Вместе с тем соположение юродивого с отверженным, аутсайдером, аборигеном, парией, уродцем, карликом, вампиром по законам все той же дискурсивно-семантической аттракции устанавливает их феноменальную общность и ценностную связь. Это, в свою очередь, позволяет видеть в божественном безумце аутайдера, парию, уродца, и, наоборот, в уродце или отверженном узреть пророка. Итогом такой конвергентной интерпретации может быть представление о том, что все, кто нарушает общепринятую норму, в некотором смысле являются отверженными. На основе такой связи выводим еще одну интерпретационную составляющую слова: юродивый здесь ‘пророк’, ‘божественный безумец’, ‘отверженный’, ‘аутсайдер’, ‘нарушающий норму’. Выявленные ряды семантических сопоставлений могут стать объектом самостоятельного анализа, что будет содержанием следующего этапа исследования. Они же позволяют сделать такие выводы.

Семантический анализ контекстов соположения слова *юродивый* с другими словами показывает, что глубинные семантические связи разных слов актуализируются аттракцией смыслов, которая обеспечивает их целостность в образных и / или дискурсивных проекциях. Семантическая аттракция обеспечивает дискурсивное транспонирование концептуально значимых слов, содержание которых по-разному интерпретируется в различных дискурсах. Возможность такой объемной транспозиции выявляет основополагающий принцип / способ существования концепта, который определяется в качестве когнитивно-дискурсивной аттракции. Становится очевидным, что именно концептуальная природа того или иного семантического комплекса предопределяет его широкую и актуальную полидискурсивность, размыкающую соответствующее понятие в общем поле культуры. В свою очередь, когнитивно-дискурсивная аттракция будучи способом, которым задается единство концепта в общем поле языка и культуры, является феноменальным свойством самого концепта.

Литература

1. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. 3. Кубрякова Е.С. и др.

Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. 4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. 5. Jackendoff R. Semantics and cognition/ – Cambridge (Mass.), 1993.

АНОТАЦІЯ

У статті розглядаються значення слова *юродивий* у контекстах зіставлення як тих, що входять в поле концепта «юродство». Подані особливості слововживання дозволяють продемонструвати сучасний зміст цього концепту.

SUMMARY

The article studies the meaning of the word *yurodivy* in contexts of comparison as a component of the concept «yurodstvo». The usage characteristics presented enable the modern contents of the given concept to be displayed.